

Я ПОМНЮ
ЭТО БЫЛО В
ДЕТСТВЕ

ЗАВЕТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

RAF GAZI

18+

Раф Гази

Я помню это было в детстве

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гази Р.

Я помню это было в детстве / Р. Гази — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-532-07876-5

Способен ли человек вспомнить свои самые первые детские, а, может быть, даже младенческие впечатления?... Я знаю, что жили мы в Казани, в Ягодной слободе, на улице Красный Маяк в бабушкином доме. Знаю, кто с нами жил тогда, даже некоторых соседей могу назвать, знаю о некоторых эпизодах, в которых я участвовал. Но я не могу отделить, где это я действительно сам помню, а где информация, заложенная рассказами взрослых и моими собственными воспоминаниями. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07876-5

© Гази Р., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Воспоминания	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Воспоминания

1

Способен ли человек вспомнить свои самые первые детские, а, может быть, даже младенческие впечатления? Говорят, Лев Толстой помнил себя с трех лет. Вряд ли. Когда представляешь свое глубокое детство, всегда получается искаженная картинка. Во-первых, наслаиваются рассказы взрослых, а, во-вторых, – свои прежние попытки что-то вспомнить из своего прошлого. Чтобы получить «чистую картинку», нужно освободить свое сознание от более поздних наслоений.

Поэтому я не могу сказать, что помню, что со мной происходило, когда мне было три года. Я знаю, что жили мы в Казани, в Ягодной слободе, на улице Красный Маяк в бабушкином доме. Знаю, кто с нами жил тогда, даже некоторых соседей могу назвать, знаю о некоторых эпизодах, в которых я участвовал. Но я не могу отделить, где это я действительно сам помню, а где информация, заложенная рассказами взрослых и моими собственными воспоминаниями 10-ти, 20-ти и 30-летней давности. Получается, что-то вроде детской игры в "испорченный телефон", когда вспоминаешь скорее не реальные события, а свои воспоминания об этих событиях.

Как починить этот "телефон"? Попробуем следующий метод. Вспоминать не сами события и факты, а свои чувства по поводу этих случившихся очень давно событий и фактов, то есть пытаться восстановить не историю внешних событий, а – проявления своей внутренней духовной жизни. Мир духа более индивидуален и интимен, чем мир вещей, в него труднее внести что-то чужеродное.

Итак, что же можно вспомнить, воспользовавшись этим методом? Ни мать, ни отца, ни других родственников, включая и саму бабушку, в бабушкином доме я не помню. Только помню, что в нем витал какой-то уютный родной бабушкин дух. Хотя это тоже может быть более поздним наслоением, я имею в виду ощущение уюта и тепла, исходящего от бабушки, поскольку она всегда, до своей кончины, была моим светлым ангелом-хранителем.

Однако я достаточно точно могу передать свое тогдашнее само- и мироощущение. Я был жизнерадостным, общительным и довольно уверенным в себе карапузом. От бабушкиного дома, хотя я не помню, кто в нем жил, исходило тепло и защита. Никаких отрицательных эмоций, сильных потрясений, которые могли бы сказаться на моей психике, я не помню. Нет нужды перечислять те мелкие эпизоды, которые настолько прочно застряли в памяти, что и сейчас можно реконструировать чувства, которые тогда они у меня вызывали. Разве только важным может показаться следующий случай.

Однажды, разговаривая с соседским мальчишкой, я пережил сложное чувство. Я говорил с ним по-русски, а он отвечал по-татарски, хотя был русским пацаном. Нет, я, конечно, знал татарский язык, но я специально для него, русского, говорил на его родном языке, а он мне отвечал по-татарски. Это меня немного задело: значит, он думает, что я не умею говорить по-русски? Это я-то не умею, да я еще лучше тебя говорю, хотя ты и русский! И я упорно, коверкая, продолжал выговаривать русские слова.

Национальный вопрос здесь никак не стоял, хотя я уже знал, что я татарин, а он русский. Здесь просто было задето мое детское самолюбие, которое у меня всегда было непомерно раздуто. Точно так же я мог заартачиться, если бы кто-нибудь из соседских пацанов усомнился бы, например, в моем умении попадать камнем в цель или пускать мыльные пузыри. Меня задело само сомнение в каких-то моих способностях, в данном случае во владении русским языком.

Хотя, возможно, на самом деле соседский мальчишка и ни в чем не сомневался, напротив, он сам хотел похвастать передо мной знанием моего родного языка...

И все же национальный вопрос, пусть в зачаточном, эмбрионом состоянии, здесь уже был. Я точно помню, что в моем тогдашнем сознании сложилось твердое убеждение, что русский язык выше татарского, и овладев им, человек становится как бы умнее, как бы значительнее, что ли.

Откуда могли появиться такие мысли в голове у трехлетнего малыша? Бабушка, мать, дядя, да и отец тоже, хотя он лучше всех знал русский, говорили дома по-татарски. Но татарский так и оставался языком дома, а языком улицы был русский, хотя на нашей улице проживало больше татар, чем русских.

На дворе стоял 1961 год, и происходило это в СССР. Дети в этой стране уже с младенческого возраста чувствовали себя гражданами империи. И это чувство сопричастности к чему-то огромному и державному, сам воздух, сама атмосфера, создаваемая советской пропагандисткой машиной – "Я другой такой страны не знаю", – не могли ни сказаться на формировании ментальности советских людей, которых после перестройки стали называть "совками".

2

Следующий этап жизни в Казани – переезд в поселок Северный. Сюда перевезли старый дедушкин (уже по отцовской линии) дом из деревни Казаклар и сделали к нему пристрой. Где-то есть даже семейная фотография, на которой я, маленький мальчик в коротких штанишках на подтяжках, с важным видом вношу свою лепту в строительство нового дома: подаю какую-то дощечку. Но в памяти этот эпизод не сохранился. Зато я помню массу других очень важных событий, которые наверняка оказали на меня сильное воздействие и даже заложили какие-то фундаментальные основы характера, которым мне приходится пользоваться по сию пору.

Поселок Северный в отличие от Ягодной Слободы находится на самой окраине Казани, это почти деревня, рядом – озеро, лес, природа одним словом. Во мне до сих пор живо ощущение знойного лета с буйством зелени, цветов, каких-то жужжащих звуков... Помню, меня всегда манил лес и в то же время пугал своей таинственной загадочностью. Видимо, взрослые, боясь, что я туда буду убегать, нарочно пугали: "Не ходи в лес, а то волки съедят". В лес мы ходили с тетей Линой – безобидной и неказистой девушкой, папиной младшей сестрой, которую все почему-то считали дурнушкой. Я этого не замечал, для меня главное было пойти с ней в лес. Это был всегда праздник! Никаких подробностей от лесных прогулок я не помню, но осталось ощущение чего-то желанного, загадочного и жизненно необходимого. Не знаю, насколько здесь повинно тесное общение с природой, но мое тогдашнее внутреннее и внешнее состояние ассоциируется сейчас во мне с налитым румяным яблоком, полным сока, силы и оптимизма.

В поселке у меня впервые появился друг. Звали его, как помнится, Шавкат. И, когда лет через восемь мы приехали в гости на летние каникулы к дедушке из Узбекистана, куда мы переехали в 1962 году, и я снова встретился с ним, чувство старой дружбы восстановилось. А, может быть, это просто взрослые сказали: "Вот с этим мальчиком ты дружил в детстве", – и этого было достаточно, чтобы мы задружились заново.

Чем мы занимались с Шавкатом? Сохранились лишь обрывки впечатлений. Самое важное, кажется, вот какое. Трудно назвать это пробуждением эротического чувства, но о чем-то подобном я смутно вспоминаю. Когда я рассматривал бабкину (кстати, бабушку по отцовской линии в отличие от деда я совершенно не представляю) кулинарную книгу с изображением раскатанной татарской лапши и пояснениями, как эту лапшу нарезать, – где-то в глубинах моего сознания вспыхивали какие-то туманные ассоциации. Нет, это был не эротизм, а скорее неотчетливая и смутная догадка, пришедшая ко мне, возможно, из другой жизни.

То, что никаких эротических чувств в четырехлетнем возрасте у человека быть не может, доказывает еще такой факт. Мы с Шавкатом и одной соседской девочкой – не знаю, кто уж был тут зачинщиком – играли в увлекательнейшую, как нам казалось, игру. За домом в укромном углу нашего сада росли громадные лопухи, и мы туда прятались втроем от взрослых, понимая, что занимаемся не совсем приличным делом. Мы поочередно с Шавкатом общупывали девочку (по ее полному благодушному согласию, разумеется). Что я тогда испытывал? Ничего. Не помню, никаких ощущений. Одно любопытство и сознание того, что мальчики и девочки, оказывается, устроены по-разному.

Во время очередного сеанса – а, может, это и было-то всего один раз – за оградой забора промелькнула тень какого-то мужчины. Мы подняли головы и обмерли: это ее отец возвращался с работы. К счастью, он прошел мимо, ничего не заметив.

Не знаю, как для Шавката, но для меня внезапное появление за оградой забора тени мужчины было сильным потрясением. Откуда-то пришла догадка: чужую женщину, пусть даже девочку, трогать нельзя – это может не понравиться другому мужчине, например, ее отцу.

3

Из всех обитателей дома в поселке Северном я наиболее отчетливо помню деда Заки, потому что, наверное, больше всего проводил время именно с ним. Он занимался пчелами, и от него всегда исходил приятный медовый запах. Дед угощал меня сотовым медом, и я долго жевал его, пока во рту не пропадала сладость. Если дом в Ягодном был пропитан бабушкиным духом, то в Северном – дедушкиным.

Мои родители были в ссоре со стариками, и дом был разделен на две половины. Теперь по рассказам двух моих уже умерших тетей – Лины-апа и Алсу-апа – я представляю, в чем была причина размолвки. Но тогда это меня абсолютно не занимало. Родители, уходя утром на работу, оставляли мне еду, и отец наказывал: "Не ходи в комнату бабая!" Я согласно кивал головой или отмалчивался. Однако, как только за воротами скрывались фигуры моих родителей, я тут же бежал к деду.

Мне с ним было интересно. Он рассказывал сказки, зимой мастерил самодельные лыжи. А еще он знал уйму всяких присказок и прибауток, и разговаривал совсем не так, как мои родители. Например, у него было любимое словечко: "Пчакка да керакми!" Когда бабушка о чем-то ему выговаривала, он небрежно отмахивался: "Пчакка да керакми!" Трудно перевести это выражение на русский язык, еще надо видеть, с каким выражением произносил его дед. Но означало оно, как я тогда понимал, примерно следующее: "Что ты пристаешь ко мне со всякими пустяками, это такая мелочь, что вообще ни на что не годится!" Мне всегда нравилась в людях этакая мужская удаль, вольный казацко-татарский дух, пренебрежительное отношение к мелким неприятностям жизни.

Когда мы с дедом шли на конечную остановку автобуса №9 (недалеко от нашего дома обрывался городской маршрут), люди, завидев его стоящим на остановке, бежали со всех ног. Они боялись, что не успеют, и автобус уедет без них. Особенно смешны были неуклюжие тетки со своими громоздкими баулами. Мне нравилось идти с отцом неторопливой походкой и снисходительно поглядывать на обгоняющих нас суетливых пассажиров. "И куда спешат? Все равно автобус без нас не уедет. А уедет – не велика беда, придет другой", – с чувством легкого превосходства и мужской не суетливости думал я.

Такое философское отношение к жизни особенно было присуще деду. Разор семейного гнезда после Октябрьской революции; 1937 год, когда по ложному доносу дед оказался в тюрьме; война и другие тяжкие испытания, выпавшие на долю его поколения, видимо, научили людей не придавать значения мелочам и относиться ко всему происходящему со спокойствием и невозмутимостью каменного Будды.

Несмотря на малый возраст, я уже знал, что была страшная война с фашистами, и дед на ней воевал. Так же, как и другой дед, муж бабушки Раузы. Но тот погиб под Смоленском, а этот остался жив. Однажды я спросил у деда Заки: "Как тебе удалось спастись?" В ответ я надеялся услышать героическое повествование о том, как храбро и умело сражался он с фашистами, и всегда успевал выстреливать первым и только потому остался жив... У меня даже в голове сложился целый рассказ об этом, и я ждал от деда наполнения его подробностями и деталями.

Дедушка, однако, хитро усмехнулся в бороду: "Когда немцы пришли, я спрятался от них в сарай". Такой ответ поверг меня в недоумение. Дед абсолютно переставал быть похожим на героя, которого я себе выдумал. Я совершенно запутался, похоже, дед нарочно меня дразнил.

А, может, он хотел сказать о другом: чтобы сохранить свою жизнь, совсем необязательно отнимать ее у другого?

4

Многие люди думают, что они сами определяют свою судьбу. На самом деле, все, что с нами происходит сегодня и произойдет завтра, послезавтра, через год, через десять лет, в общем, вся наша жизнь уже давно и не нами аккуратно уложена на ступеньках уходящего ввысь эскалатора. Нам кажется, что мы сами поднимаемся по лестнице вверх, но мы не поднимаемся, мы, вообще не двигаемся, двигаться может только эскалатор. Это не мы идем, а опускается очередная ступенька, и нам остается только наклониться и поднять то, что на этот раз уготовила судьба: какую-нибудь пакость или сундук, набитый золотом. Поэтому переживать и волноваться из-за того, что там ждет впереди – совершенно бесполезное занятие, все равно не уйти ни от плохого, ни от хорошего...

На следующей ступеньке моего эскалатора был Узбекистан, куда мы переехали в 1962 году. К этому роковому шагу, как я узнал позже, став взрослым, подвиг моих горячих нетерпеливых родителей разросшийся до невероятных размеров скандал со стариками. Молодые думали, что правы – они, старики были убеждены в своей правоте, но какая-то Высшая сила опять все расставила по своим местам. Правда, на это потребовалось ни много, ни мало, а 30 лет. СССР рухнул, и к концу жизни, начисто утерев свою непримиримую горячность и так никому ничего не доказав, родители вернулись на пепелище, чтобы стать на своей исторической родине изгоями. Все правильно: за все нужно платить. Но почему по такой высокой таксе?..

Жизнь моя после приезда в Узбекистан круто поменялась. Мы снимали небольшой саманный домик, больше похожий на сарай, у одной узбекской семьи на окраине Каттакургана – небольшом городке в километрах 70 от Самарканда. Из мебели у нас было: железная кровать, стол и два стула.

Я быстро сдружился с местной ребятней; из-за того, что они совершенно не знали русский (в Средней Азии влияние империи было не столь сильным), говорил с ними по-татарски. Они хорошо меня понимали (татарский и узбекский языки относятся к одной тюркской языковой семье), но смеялись над моим произношением и убеждали меня, что я неправильно выговариваю слова. Впрочем, смеялись они беззлобно, никого национализма я не чувствовал, и, вероятно, очень скоро заговорил бы на чистейшем узбекском языке, если бы меня не отдали в детский сад, где в ходу был только русский. Узбеки своих детей в детсады не отдавали, предпочитая домашнее воспитание государственному, казенному, выводя тем самым своих любимых чад от слишком раннего давления имперской идеологии.

Главное, чего мне тогда не хватало – это семьи. Лишившись уютного домашнего тепла, всегда исходящего от бабушки Раузы, дедушки Заки, тети Лины и других родственников, оставшихся в Казани, я не то, чтобы захандрил, но чувствовал себя как-то очень одиноко и

не защищено. Наливное казанское яблочко стало морщиться и терять былую упругость и жизненную силу.

Меня стали преследовать ночные страхи. Осенью, во время хлопкового сезона, отец, устроившийся мастером в ремесленное училище, уезжал вместе со своими воспитанниками в длительные – до 2-3- месяцев – командировки на сбор хлопка. Хлопок – главное богатство Узбекистана, и сбор его был важнейшей государственной задачей, в выполнении которой участвовало все население республики, начиная с 7-8 летнего возраста и кончая глубокими стариками. Мать в то время работала на кирпичном заводе, часто в ночную смену. Раньше она торговала фруктами и овощами в ларьке, но за это мало платили, а нам нужно было много денег, чтобы рассчитаться с какими-то казанскими долгами.

В общем, из-за всего этого по ночам мне приходилось оставаться дома одному. Сначала меня отдали в круглосуточную группу в детский сад, откуда меня не забирали целыми неделями. И я возненавидел этот казенный дом, считая, что он лишает меня моих родителей. Поэтому я был согласен на все, даже оставаться по ночам дома один, лишь бы меня не отдавали в круглосуточную группу.

Но оставаться дома ночью одному было настоящей пыткой. Я лежал на большой железной кровати и смотрел в окно. В него заглядывали огромные звезды, кажется, протяни руку и их достанешь – только в Средней Азии звезды так близки к человеку. Их таинственный свет манил и увлекал в неизвестные дали. Но вдруг в окне начинали мелькать какие-то тени, мне чудилось, что в комнату лезут звери: волки, медведи, совершенно немыслимые чудища с огнедышащими головами. По коже, несмотря на ночную южную духоту, пробегал озноб. Я глубже прятался под одеяло, но глаз от страшных картинок отвести не мог.

Вдруг в открытом окне показался темный силуэт человека, он заглянул в комнату, в сиянии луны осветился его безобразный, с раскрытой пастью и кровожадными клыками лик. Не помню, закричал ли я, но душа ушла в пятки, сердце пятилетнего малыша готово было выпрыгнуть из груди.

И тогда я понял: страшнее человека зверя нет.

5

Это случилось в жаркий летний воскресный день. Я играл под тенью раскидистой чинары на берегу арыка: набирал в ладошку жирную глину и, выдавливая ее крупными зернышками, строил высоченный глиняный замок. Арык был запружен: живительная влага направлялась на близлежащие огороды. Но тут пришел какой-то узбек в старом залатанном чапане и кетменем раскидал запруду, навалив большие комья глины на противоположном берегу арыка. Мутный поток воды, журча и переваливаясь через камни, устремился в освобожденное русло. Мне показалось, что свежая глина на том берегу, только что навороченная кетменем дехканина, больше подходит для осуществления моих строительных замыслов. Я разбежался и перепрыгнул через обмелевший арык, однако приземление было не совсем удачным. Я упал, вытягивая руки вперед и вонзая их в комья глины. Вдруг снизу, из бывшей глиняной запруды, мне в лицо ударил фонтан крови. Наверху глиняного кома блестящим треугольником торчал осколок оконного стекла, в него-то я и вонзился со всего размаху. Правая кисть, как кончик надломленной ветки джуды, безжизненно повисла на руке, из нее продолжала фонтанировать кровь, в которой я успел вымазаться с головы до пят. Именно этот вид крови, а не боль, привел меня в неопишуемый ужас и я заорал во всю глотку, как кричит старый больной ишак, когда чувствует, что его ведут на бойню.

К счастью, родители оказались дома, они тут же прибежали на мой сумасшедший крик. На шум сбежалась и вся махалля. Среди соседей оказались знающие люди: быстренько нало-

жили шину и туго перетянули руку, чтобы остановить кровь. Кто-то привел осла, запряженного в арбу, куда меня усадили и повезли в больницу.

Мой первый испуг уже прошел, а боли я не чувствовал. Я гордо восседал на арбе и свысока поглядывал на сочувствующие взгляды махаллинцев: дескать, чего вы переполошились, дорогие сограждане, подумаешь, ручку порезал, эка невидаль! Я даже что-то небрежно насвистывал и чувствовал себя настоящим героем, возвращающимся с поля брани, пусть слегка раненным, но непобежденным. Это был первый подвиг, совершенный в моей жизни: я победил свой страх.

И вот это чувство подвига, убеждение, что никогда ни при каких обстоятельствах настоящий мужчина не должен терять присутствие духа, прошло через всю мою жизнь и стало главным фундаментом, дающим опору в самых сложных жизненных ситуациях. Но в то же время это было одним из самых ранних проявлений моей ражасической (холерической) природы, из-за которой, как известно, у человека бывает несусветное количество проблем.

6

Что главное в женщине: красота или доброта? Вряд ли есть на свете мужчина, который хотя бы раз не задавался этим извечным вопросом.

Передо мной он встал еще в детсадовском возрасте. В нашей группе все ребята были условно поделены как бы на две группы. Одна – элита, другая – чернь. В элиту входили те, к кому можно было применить слово "самый". Например, Маша была самой красивой, она носила большие красные банты. Ваню считали самым умным, он уже мог читать. А Вася почему-то прослыл самым сильным, может, потому, что был самым длинным. Я в элиту не входил, но к черни себя тоже не причислял, и, вообще, мне это деление не нравилось. И кто только его придумал? Я решил его разрушить.

Однажды к нам из Казани приехал какой-то родственник. Он совсем был непохож на моих родителей, которым было вечно не до меня, и они всегда держали дистанцию: дескать, ты – ребенок, а мы – взрослые. Как-то мы с соседским мальчишкой (это было еще в Казани), с Шавкатом, кажется, придумали интересную игру: шатаясь, шли по улице, и изображая двух подвыпивших мужиков, кричали во все горло: "Цикл-цикл-мотоцикл – всю дорогу обассыкал!". Игра нам казалась забавной, но меня терзала смутная догадка, что мы не хорошо делаем, играя в эту игру. Поэтому я спросил разрешение у своего отца: "Можно мы будем играть в пьяниц?". Отец строго посмотрел на меня и сказал, как отрезал: "Нет". Он даже не поинтересовался, что эта за игра, как в нее играют. Если бы он это сделал и выслушав, посмеялся над нашей глупой затеей, а потом разъяснил, почему она глупа (например, дедушка Заки, я уверен, поступил бы именно так), может быть, я ему поверил и не стал бы больше изображать пьяниц. А так чихать я хотел на ничем не аргументированные запреты: играл, играю и буду играть, тем более, когда это так интересно. Больше к взрослым со своими глупыми вопросами я не лез.

В другой раз, уже после переезда в Узбекистан, я попросил отца сделать мне лянгу. Лянга – это небольшой лоскуток бараньей кожи с не обстриженной шерстью, к основанию которой через две дырочки проволокой крепится плоский кусочек свинца. В лянгу играют, подбивая ее ногами – похоже на то, как жонглируют мячом футболисты, только приемов здесь гораздо больше. Если футбол – национальная игра бразильцев, то лянга – узбеков, но в отличие от латиноамериканцев среднеазиаты, став взрослыми, о своих детских увлечениях забывают. Отец, никогда не игравший в лянгу, так и не понял секрета этого парящего в воздухе лоскутка шерсти. Он грубо скрутил своими мастеровыми руками, привыкшими сбивать шкафы и комоды, проволоку вокруг шерсти: в результате лянга не только не парила, она камнем падала вниз, и ею совершенно невозможно было пользоваться. Но отец в эти тонкости не вникал, он удовлетворенно потирал руки от сознания хорошо исполненного отцовского долга. Мне же не оста-

валось ничего другого, как насобирать пустые бутылки и обменять их на настоящую пушистую белую лянгу у старика-старьевщика, который раз в неделю объезжал нашу махаллю на своей скрипучей арбе.

Далека от моих детских дум и треволнений была и мать. Она часто работала по ночам, я ее редко видел, но иногда мы с ней ходили на ночные сеансы в летний кинотеатр кирпичного завода. В тот вечер крутили какую-то зарубежную картину: главный герой переодевался в женщину и вроде бы невинно прижимался к девушкам, толкая их пузом и, совершая какие-то неприличные движения вроде тех, что сейчас демонстрирует американская поп-звезда Майкл Джексон. Для тех лет это было вызывающе неприлично. Непонятно, как этот фильм, видимо, трофейный, попавший к нам во время войны от американцев, был допущен к просмотру цензурой, тем более на Востоке? Картина явно не предназначалась для детских глаз. Если перевести ситуацию на современные реалии, получалось вроде того, что мать с малолетним сыном смотрят порнуху. Моя мать очень смущалась, ей было неловко и неудобно, но она так и не вывела меня из кинотеатра, просидев в напряжении весь сеанс. Шли мы домой молча, она делала вид, что ничего не произошло, но я видел, как она неловко себя чувствует, от этого мне было еще более неловко, чем ей. Но она, видимо, решила, что я еще маленький, и ничего не понял, на том и успокоилась.

Как же маленький, ждите! Да я тогда уже все понимал – абсолютно все!!! – мать спокойно могла говорить со мной на любую тему, а не терзать себя глупыми переживаниями. Если бы даже она, ничего не объясняя, молча увела меня домой, и то было бы лучше – я бы все понял сам. А так осталась какая-то недомолвка.

Впрочем, редкие родители понимают собственных детей, наверняка, и мои дети теперь, когда я сам стал взрослым, думают обо мне, как о совершенно дремучем неандертальце. Правда, иногда и среди взрослых попадаются чудо-экземпляры, каким-то непонятным образом сохранявшие живую связь с миром детства. Таким как раз и оказался наш казанский гость. В отличие от моих родителей дистанции со мной он не держал, а вел себя, как с равным, прямо и открыто отвечая на все мои вопросы. Гость дурачился, учил меня боксировать, а однажды мы пошли с ним в парк – в Каттакургане в те годы был замечательный парк с дорожками, аккуратно посыпанными желтым песком – и наблюдали там за настоящим боксерским поединком. Видимо, наш гость был хорошо знаком с этим видом спорта. Во время боксерских схваток, он комментировал каждый удачный удар, а по возвращению домой научил меня боксировать с тенью. Я с увлечением тренировался под его руководством – умение драться настоящему мужчине никогда не повредит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.